

УДК 811.512.212, 81'34

UDC 811.512.212, 81'34

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

**ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ ГЛУХОЙ СМЫЧНЫЙ /K/
В СЕЛЕМДЖИНСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА*
VELAR VOICELESS STOP /K/ IN THE SELEMDZHA ACCENT
OF THE EVENKI LANGUAGE**

Аннотация

Статья посвящена анализу артикуляторных и акустических характеристик эвенкийского заднеязычного глухого смычного согласного /k/. Аллофоны согласного /k/ исследуются во всех позициях в слове (начальная, срединная, конечная, в консонантных кластерах). С помощью слухового и спектрального видов анализа исследованы акустические корреляты аллофонов, свойственных данному согласному. В число этих аллофонов входят придыхательные, спонтированные, увулярные, палатализованные, импловивные и аффрицированные. Аффрикации эвенкийский /k/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда.

Abstract

The current paper focuses upon articulatory and acoustic features of the Evenki velar voiceless stop /k/. Its allophones are researched in all word positions (initial, medial, final, and in consonant clusters). Auditory analysis and dynamic spectrography were used to determine and describe acoustic correlates of all allophones characteristic for /k/. These include aspirated, fricative (as a result of spirantization), uvular, palatized, implosive, and affricated ones. Affrication was characteristic for the Evenki /k/ only in word-initial position before front vowels.

Ключевые слова: эвенкийский язык, селемджинский говор, вариативность фонем, согласные, артикуляторные и акустические характеристики.

Keywords: the Evenki language, Selemdzha accent, allophonic variation, consonants, articulatory and acoustic features.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_44_62

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

1. Введение

Селемджинские эвенки проживают на северо-востоке Амурской области в горно-таёжной местности, приравненной к территориям Крайнего Севера. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», местом компактного проживания селемджинских эвенков считается с. Ивановское Селемджинского района Амурской области. По данным статистики Ивановского сельсовета Селемджинского района Амурской области на 1.01.2016 г. в с. Ивановское проживало 396 чел., из них – 322 эвенка шести эвенкийских родов (Бута, Эдян (Эдён), Лалигир (Лалэгэрдар), Кумкада, Кангагир, Мэнгэмну (Монго) в порядке убывания количества представителей каждого рода). Эвенкийских родов Аингкагир, Бэтум [Василевич, 1958, с. 576, 577], Бэтунг, Буллот [Болдырев, 2013, с. 11], проживающих на территории Селемджинского района Амурской области, не зарегистрировано.

Селемджинские эвенки говорят на селемджинском говоре, который относится к селемджинско-буреинско-урмийскому диалекту восточного наречия эвенкийского языка [Булатова, 1987]. По своим фонетическим характеристикам селемджинский говор характеризуется как сибилантно-спирантный на основании дистрибуции (распределения) глухих щелевых согласных с/h, подчиняющихся следующему правилу реализации: в начальной позиции встречается как переднеязычный с, так и фарингальный h (например, *сулаки* ‘лисица’, *хокто* – ‘дорога’), в интервокальной позиции слова реализуется только фарингальный h (*ahu* ‘женщина’) [Константинова, 1964, с. 4].

Инвентарь согласных фонем селемджинского говора (см. табл. 1) включает 18 фонем, примыкая к языкам консонантного типа: количество эвенкийских согласных достигает 62% всего фонемного инвентаря (18 согласных при 11 гласных).

Т а б л и ц а 1. Артикуляционная классификация согласных эвенкийского языка (селемджинский говор)

По месту образования		По способу образования				
		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Фарингальные
Шумные	Смычные	p b	t d ʃ (t') d'	-	k g	-
	Щелевые	-	s	-	-	h -
Сонанты	Смычные	m	n n'	-	ŋ	
	Щелевые	β	l	j	-	-

В фонологической системе согласных селемджинского говора эвенкийского языка, как видно из таблицы 1, существуют две основные противопоставляющие друг другу категории – шумные /p, b, t, tʃ (tʃ), d, dʃ, k, g, s, h/ и сонанты /m, n, nʲ, ŋ, β, l, j, r/. В категории шумных имеются две оппозиции – смычные /p, b, t, tʃ, d, dʃ, k, g/ и щелевые /s, h/. Все смычные представлены парами – глухой и звонкий, фонологическое противопоставление этих пар состоит не в наличии или отсутствии голоса, а в наличии или отсутствии придыхания. Признак звонкости не является у эвенкийских согласных релевантным [Матусевич, 1960, с. 134]. Шумные щелевые в противоположность смычным не имеют звонких параллелей и имеются в количестве двух согласных /s/ и /h/. Фонологический статус согласных /s/ и /h/ является спорным вопросом эвенкийской фонологии. В группе сонантов все согласные представлены одиночно, без глухих параллелей: /m, n, nʲ, ŋ, β, l, j, r/. Внутри категории сонантов можно различить группы смычных /m, n, nʲ, ŋ/, щелевых /β, l, j/ и дрожащий /r/. Необходимо отметить, что в речи некоторых селемджинских эвенков не зарегистрировано аффрикат, в частности /tʃ/ (на письме передаваемой буквой «ч»), как это имеется в томском говоре, например, /tʃʰa:lba:n/ ч̄лб̄ан ‘береза’, /tʃʰa:/ ч̄а ‘чёрный коршун’ и другие. [Андреева, 1988, с. 42]. В соответствующих позициях реализуется переднеязычный смычный палатализованный /tʃ/, что было подтверждено в лаборатории экспериментальной фонетики Амурского государственного университета двумя экспертными группами, проводившими записи речи от носителей селемджинского говора эвенкийского языка (август 2011, декабрь 2012).

Число гласных, входящих в фонологическую систему селемджинского говора, в их количественном отношении сравнительно невелико. Имеется всего 11 гласных, образующих оппозиции: 1) по признаку ряда: гласные переднего /i, iː, eː, a, aː/, центрального /ɜ, ɜː/, заднего /u, uː, o, oː/ рядов; 2) по признаку подъёма: гласные верхнего /i, iː/, среднего /eː, ɜ, ɜː, o, oː/, нижнего /a, aː/ подъёмов; 3) по признаку долготы: долгие гласные /iː, uː, ɜː, oː, aː/ и краткие /i, u, ɜ, o, a/. Гласный переднего ряда среднего подъёма /eː/ не имеет краткой пары.

Своеобразие звукового строя селемджинского говора эвенкийского языка проявляется в отличном от литературного эвенкийского произнесении долгого гласного /ɜː/, который в речи селемджинских эвенков приобретает а-образный характер. Данная диалектная фонетическая черта свойственна большинству восточных говоров эвенкийского языка, благодаря чему восточные эвенкийские говоры в некоторых литературных источниках по эвенкийскому языку получили название «акающих» диалектов. В связи с этим, интересно отметить следующий факт. Русское население Амурской области, употребляя в своей речи эвенкийские слова, также произносят в них гласный /aː/ на месте /ɜː/. Более того, «аканье» в речи амурских эвенков находит своё отражение в названиях фильмов, созданных русскоязычными режиссерами, например, документальный фильм Н. М. Землянского о жизни и культуре эвенков «Эвэды туран» – пер. ‘эвенкийский язык’ (ср. лит. эвенк. *тур̄ан*), в названиях общественных ор-

ганизаций, например, экологический клуб при Амурском государственном университете «Улукиткан» – пер. ‘бельчонок’ (ср. лит. эвенк. *улукйткэн*).

При анализе языковой структуры селемджинского говора необходимо учитывать фактор влияния якутского и русского языков. Яркие черты взаимовлияния родного эвенкийского и русского языков уже отчётливо заметны в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения. На звуковом уровне следует отметить веляризацию бокового сонорного /l/, аффрикатизацию в определённых позициях переднеязычного смычного /tj/ → /tʃ/. Черты якутской фонологической системы в речи селемджинских эвенков проявляются в сильной огубленности заднерядных эвенкийских /u, u:, o, o:/ и соответствующих русских гласных. Русско-якутский акцент в речи селемджинских эвенков можно охарактеризовать как стабильный, так как он зафиксирован у большинства участвующих в записи дикторов.

В ходе изучения социолингвистической ситуации у селемджинских эвенков Амурской области были выявлены обстоятельства, определяющие усвоение эвенкийскими детьми черт артикуляционного уклада, свойственного русскоязычному населению. Так, в 70-е гг. прошлого столетия на территории с. Ивановского Селемджинского района Амурской области начинает работу детский комбинат для эвенкийских детей (аналог современного комбинированного детского сада-яслей), где малыши с двухмесячного возраста круглосуточно находятся в течение пяти дней в неделю. Только в выходные у родителей была возможность провести время с ребёнком в кругу семьи. Персонал в Ивановском детском комбинате, а затем в средней общеобразовательной школе, состоял из смешанного русскоязычного и эвенкоязычного населения. Важно отметить, что общение воспитателей и учителей с детьми и обучение в школе осуществлялось на русском языке. Эвенкийский язык в школе преподавался только на начальном этапе – со второго по четвёртый класс [Морозова, 2015, с. 75]. Согласно данным анкетирования, проведённого в июле 2011 г. 52–53-летние представители селемджинского говора эвенкийского языка ещё владеют навыками связной речи на эвенкийском языке, 45-летние селемджинские эвенки, воспитывавшиеся в детских комбинатах, уже не говорят на родном языке, хотя знают много отдельных эвенкийских слов, используемых в традиционной хозяйственной деятельности [Морозова, 2014, с. 212].

Кроме того, необходимо констатировать, что фонетическая сторона исконно эвенкийской лексики, характеризующей традиционный уклад жизни, в речи среднего и молодого поколений селемджинских эвенков претерпела значительные изменения. Это касается, в первую очередь, артикуляционного уклада, который характеризуется своей дорсальной природой в отличие от свойственной эвенкийскому языку апикальной (кончик языка при производстве речи поднят вверх к альвеолам). По нашим данным, около 8 человек старшего поколения из 330 жителей села (2% всего населения) сохраняет национальный апикальный уклад артикуляции. Произнесение дорсальных эвенкийских согласных вместо апикальных на слух малозаметно. Однако этот незаметный перенос в эвенкийскую речь

типичных произносительных особенностей русского языка говорит о смене у современных эвенков языковых механизмов производства и восприятия родной речи.

2. Цель, материал и методика исследования

В основу предлагаемой статьи положены данные литературных источников о вариативности реализации эвенкийского заднеязычного глухого смычного согласного /k/, а также результаты нашего исследования выше-названного согласного в речи дикторов селемджинского говора эвенкийского языка.

К дикторам-носителям селемджинского говора эвенкийского языка, речь которых использовалась нами с целью исследования вариативности эвенкийских гласных и согласных, предъявлялись следующие требования: 1) усвоение родного языка к кругу семьи с младенческого возраста; 2) посещение детских яслей и иных дошкольных учреждений с русскоязычным персоналом; 3) коммуникация только на эвенкийском языке до поступления в школу; 4) постоянное (либо длительное) проживание в охотничьих угодьях, оленеводческих бригадах; 5) ограниченные контакты в течение жизни с русскоязычным населением; 6) возраст старше 60 лет; 7) отсутствие дефектов речи и слуха (более подробно о причинах предъявляемых требований к дикторам см. в [Морозова, 2015, с. 75–76]). В соответствии с вышеперечисленными требованиями из фоноархива по эвенкийскому языку Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (далее – ЛЭФИ) Амурского государственного университета [Фоноархив, 2016] были выбраны записи речи четырех дикторов (две женщины и два мужчины), которые являются представителями эвенкийских родов Кангагир, Бута и Эдян. Записи речи селемджинских эвенков были получены в период с 2011 по 2016 гг. в ходе экспедиций в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области, а также в ЛЭФИ при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета.

Целью исследования вариативности эвенкийского заднеязычного смычного глухого согласного /k/ было выявление его набора аллофонов и сравнение полученных результатов с имеющимися данными о варьировании /k/ в говорах эвенков России.

3. Артикуляторно-акустические характеристики

аллофонов фонемы /k/

3.1. Общая характеристика

По своим артикуляционно-акустическим характеристикам эвенкийский /k/ – заднеязычный, смычный, глухой согласный. По результатам анализа палатограмм, М. И. Матусевич приходит к выводу, что эвенкийский согласный /k/ в ербогачёнском говоре эвенкийского языка, артикулируется не очень глубоко: касание нёба задней частью спинки языка происходит на уровне четвёртых коренных зубов или третьего, а у некоторых респонден-

тов – даже второго коренного зуба [Матусевич, 1960, с. 146]. Данные М. И. Матусевич подтверждаются анализом, проведённым в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Сибирского отделения Российской Академии Наук фонетистом Т. Е. Андреевой [Андреева, 1988, с. 73]. Автором зафиксирована смычка эвенкийского /к/, образуемая задней или межзубной частью спинки языка. Локализация смычки /к/ в первом случае происходит на второй трети задней части твёрдого нёба, во втором случае в пограничной зоне твёрдого и мягкого нёба ближе к задней части твёрдого нёба. В целом, комбинаторно-позиционные аллофоны эвенкийского /к/ по данным дентопалатограмм, рентгенограмм и пограмм в речи носителей томогтского говора эвенкийского языка реализуются как смычные согласные, не лишённые аффрикатизации [Андреева, 1988, с. 73].

Фонема /к/ встречается во всех позициях в слове – начальной, средней, конечной, в сочетаниях согласных: *кавка* ‘гортань’, *калан* ‘котёл’, *кётара* ‘кривой’, *кэпэн* ‘опухоль’, *эки* ‘сестра’, *дюкэ* ‘лёд’, *у́чак* ‘верховой олень’, *уму́к* ‘гнездо’, *йринэк* ‘муравейник’ [Константинова, 1964, с. 22; Morozova, 2013, с. 238].

В позиции абсолютного начала, по имеющимся данным, согласный /к/, аналогично прочим глухим смычным, всегда имеет придыхание, обычно довольно сильное, реже слабое [Матусевич, 1960, с. 147; Андреева, 1987, с. 75]. На материале селемджинского говора эвенкийского языка также отмечено сильное придыхание при реализации начального /к/ (см. рис. 1, 2, 4, 7), за исключением препозиции к огубленным гласным /о/, /у/, где реализуется увулярный непридыхательный аллофон [q] (см. рис. 1, 3–5).

В интервокальном положении /к/ обычно сохраняет свой смычный характер и часто имеет взрыв, хотя и слабовоздушный. Взрыв нередко довольно сильно аффрицируется, особенно перед /i/ в словах типа *луки* ‘стрела’. В очень редких случаях в результате полной спирализации интервокальная /к/ приближается к типу щелевого. В интерферированной речи (у эвенкийско-якутских билингвов) в интервокальном положении фонема /к/ реализуется как увулярный смычный. Придыхание при этом обычно сохраняется. случаев озвончения /к/ в указанной позиции на материале ербогоченского говора эвенкийского языка не зафиксированы [Матусевич, 1960, с. 147]. Таким образом, в интервокальной позиции имеются данные о реализации трёх разных аллофонов, сложнокомпонентных, преимущественно щелинно-смычнощелинных типа [ʏkˣ], значительно реже – смычно-щелевых типа [gkˣ] (обычное явление), [gkʏ] (спорадически), полностью щелевых типа [χʏ]. В соответствии с исследованиями Т. Е. Андреевой, средняя относительная длительность смычного компонента в позиции между краткими гласными составляет 46–57% общей длительности аллофонов, в позиции после долгого и перед кратким гласными 42–64%, в позиции после краткого перед долгим гласными от 52 до 59%, в позиции между долгими гласными от 46–56% общей длительности аллофонов [Андреева, 1988, с. 75].

В позиции перед смычным согласным или аффрикатой в словах типа *саримукта* ‘ресница’, *дāкта* ‘клещ’ *кōкчāн* ‘малое заднее копытце’, предшествующий смычному согласному или аффрикате аллофон фонемы /k/ будет импловивным (см. рис. 5, 6.). Аналогично происходит при реализации геминаты, например, *авакка* ‘возглас досады’. В препозиции к щелевым согласным в словах типа *вāкся* ‘добыв’, *доксун* ‘неспокойный олень’, *сйкся* ‘вечером’, реализуются аллофоны типа [ʏk˥], [ʏx], реже [ʏk] (см. рис. 9).

В позиции после согласного оттенки фонемы /k/ сложнокомпонентные. В позиции после сонантов в словах типа *гиркй* ‘друг’ фонема /k/ реализуется в щелинно-смычнощелинных оттенках типа [ʏk˥]. В позиции после шумных глухих и звонких согласных, например, в словах *дōскй* ‘внутри’, аллофоны /k/ двухкомпонентные, в основном полностью глухие смычно-щелевые типа /k˥/ [Андреева, 1988, с. 44].

В конечном положении /k/ в словах типа *йк* ‘чехол для инструментов по выделке шкур’, *тадук* ‘оттуда’, может быть как эксплозивным, так и импловивным, причём последнее, по материалам М. И. Матусевич, более обычное явление [Матусевич, 1960, с. 147]. В настоящее время в селемджинском говоре эвенкийского языка конечный согласный /k/ в большинстве случаев реализуется как чистый смычный с большой и сильной фазой выдоха (эксплозивный). В словах типа *оңкучак* [oŋkufʃakʰ] ‘яма, впадина’ (см. рис. 3) взрыв конечного /k/ характеризуется преимущественно высокочастотным, сильным и длительным шумом.

3.2. Признак палатализации

В позиции перед гласным переднего ряда высокого подъёма /i/ заднеязычный смычный глухой /k/ показывает двойственную картину. Анализируемый согласный может реализовываться как палатализованным, так и с отсутствием палатализации. Данные палатограмм М. И. Матусевич зафиксировали при артикуляции эвенкийского /k/ в препозиции к /i/ сильную продвинутость языка вперёд со сжатием, указывающим на подъём средней части спинки языка [Матусевич, 1960, с. 146].

В. А. Горцевская также отмечает наличие в баргузинском говоре смягчённого согласного /k/, который не является особенностью только баргузинского говора. Мягкое произношение /k/ перед узкими гласными в словах типа *кйран* ‘орёл’ зафиксировано в непском говоре эвенкийского языка [Горцевская, 1936, с. 5] и в подкаменно-тунгусских говорах [Константинова, 1960, с. 26]. На материале томмотского говора эвенкийского языка Т. Е. Андреева также отмечает в позиции перед /i/, /e/, /з/ особый аллофон фонемы /k/ [Андреева, 1987, с. 75].

В селемджинском говоре палатализованные аллофоны заднеязычного /k/ зафиксированы в позиции перед гласным переднего ряда /i:/, например, *кукāкй* ‘кукша’ (рис. 1), *туксакй* ‘заяц’ (рис. 2). Как показано на спектрограммах, полоса высокочастотного шума начинается от 2000 Гц, усиливаясь в области F2 (второй форманты) переднерядного гласного.

3.3. Варьирование /к/ по способу образования

3.3.1. Аффрикатизация /к/

По способу образования начальный /к/ всегда является смычным согласным, аффрикатизация согласного может быть как сильной, так и слабой [Матусевич, 1960, с. 146]. Аффрицированность /к/, по некоторым данным, вовсе необязательна. Так, М. И. Матусевич зарегистрированы реализации чистого смычного /к/. В селемджинском говоре эвенкийского языка случаи аффрикатизации /к/ отмечены перед гласными переднего ряда, в словах типа *киңнэ* ‘лыжа’ (см. рис. 10). Причина аффрицированного произнесения заднеязычного /к/ лежит, как правило, в ослаблении артикуляции согласного, а именно, его взрывной фазы. На динамическом спектре взрыв аффрицированных аллофонов эвенкийского /к/ ослабляется или практически устраняется.

3.3.2. Спирантизация /к/

В отдельных случаях интервокальные оттенки являются полностью узкощелевыми [Андреева, 1987, с. 75]. В селемджинском говоре эвенкийского языка также представлены случаи спирантизации (ослабления смычки) заднеязычного /к/. Однако, эти случаи не ограничиваются только интервокальной позицией (см. рис. 1). Спирантизованные аллофоны /к/ встречаются как перед глухим щелевым /s/ (см. рис. 9), так и перед гласным в слабой фразовой позиции (см. рис. 8). Спирантизованные аллофоны /к/ на динамической спектрограмме характеризуются высокочастотным шумом на месте смычки согласного. Интересно заметить, что при ослаблении смычки заднеязычного /к/ её полного озвончения не происходит. В селемджинском говоре зарегистрированы редкие случаи частичного озвончения интервокального /к/, что, возможно, является исключением, подтверждающим правило (см. рис. 1). На спектрограмме видны усиления в области, характерной для частоты основного тона (50–500 Гц), на смычке согласного /к/.

3.3.3. Увулярные аллофоны /к/

У некоторых дикторов при реализации анализируемого согласного наблюдается увулярная артикуляция в результате колебательных движений маленького язычка под влиянием выходящей воздушной струи [Матусевич, 1960, с. 146–147]. М. И. Матусевич объясняет такую реализацию влиянием якутского языка. Однако в фонетике якутского языка увулярные аллофоны /к/ учёными не отмечены [Дьячковский, 1977, с. 44; Широбокова, 2001, с. 96–97]. Между тем, в якутском языке имеется увулярный аллофон согласного /h/ – [q], охарактеризованный С. В. Ястремским как «звук нюансирующий», который, в зависимости от индивидуальных привычек говорящего, может «выговариваться то как аспирированный взрывной (kh), то как (kx)» [Ястремский, 1938, с. 5]. Вероятно, при описании реализации увулярного аллофона эвенкийского /к/ М. И. Матусевич имелось ввиду

влияние на речь ербогочёских эвенков якутского увулярного аллофона фонемы /h/. Для этого есть веские основания, поскольку в эвенкийском языке имеется фонетическое соответствие /k/~/h/. Так, в произношении некоторых эвенков токминского, подкаменно-тунгусских говоров фарингальному начальному /h/ соответствует /k/, например, [kujukun~hujukun, hulukun] *хулукун* ‘маленький’, [kəmtʃurə:~həmtʃurə:] *хэмчурэ* ‘меховые короткие унты’, [kiju-~huju:-, huju-] *ую-ми* ‘кипятить’, [kukti~hukti] *укты-ми* ‘бежать (о звере)’ [Василевич, 1948, с. 95, 115].

Хотя существует и другое мнение. В близкородственных эвенкийскому языках (эвенском, негидальском и маньчжурском) имеется интересная зависимость реализации звукотипов [k] и [q] от последующего им гласного контекста [Цинциус, 1949]. Для некоторых говоров эвенского языка В. И. Цинциус выделяет в ряду заднеязычных согласных /k/, /g/, /ŋ/ глухой заднеязычный увулярный смычный в виде аллофонов [q]~[x]~[k̰], делая акцент на его аффрицированность. При этом исследователь отмечает, что, несмотря на отчётливую глубокую артикуляцию увулярного смычного [q], он является, по её мнению, лишь одним из двух возможных способов реализации согласного /k/, так как реализация увулярного смычного стоит в прямой связи с составом гласных [Цинциус, 1949, с. 214]. Современные российские исследования разных говоров эвенского языка подтверждают положение В. И. Цинциус о наличии не менее двух аллофонов эвенского заднеязычного глухого смычного [Бурыкин, 2004, с. 286; Шарина, 2015, с. 205]. Корейский исследователь Ким Джувон, анализируя аллофонное варьирование заднеязычного глухого смычного /k/ в березовском говоре эвенского языка, приходит к выводу о существовании трёх разных аллофонов /k/, находящихся в условиях дополнительной дистрибуции. Основной аллофон [k] реализуется в препозиции к /ə/, /u/, /o/, например, [kufukəp] ‘маленький’, [ko:kəp] ‘невестка’, [nəl̩kə] ‘весна’. Увулярный глухой смычный аллофон [q] зафиксирован учёным в позиции перед /a/, /ʊ/, /ɔ/ и в абсолютном конце слова, например, [mʊqa] ‘шуба’, [qʊŋa] ‘ребёнок’, [qɔ:lanaq] ‘духи’. Палатальный глухой смычный аллофон [ç] отмечен перед узкими гласными переднего ряда /i, i/, например, [çimdaj] ‘повар’, [həwçi] ‘Бог’ [Kim, 2011, p. 27].

Кроме того, в негидальском языке, по наблюдению В. И. Цинциус, также имеется зависимость употребления заднеязычного глухого смычного [k] и увулярного глухого смычного [q] от последующего гласного контекста, что говорит в пользу их дополнительной дистрибуции, и далее, о принадлежности данных аллофонов к одной фонеме. Что касается маньчжурского языка, в его структуре так же имеется параллель звукотипов [k]-[q], реализация которых зависит от последующего гласного контекста, например, [kə], [ki], но [qa], [qo], [qu] [Цинциус, 1949, с. 215].

В селемджинском говоре эвенкийского языка согласный /k/ перед гласными /o, u/ обладает настолько слабым взрывом, что на слух воспринимается как выдох либо как реализация фарингального /h/. Подобный слабый взрыв характерен для увулярных смычных согласных. Спектральными характеристиками такого увулярного смычного [q] шумовые состав-

ляющие в области 1000 Гц при слабых высокочастотных шумах либо их отсутствии (см. рис. 1 *кук̄а̄к̄ӣ* [quk^ha:k^hi:] ‘кукша’, *к̄о̄к̄ч̄а̄н* [qok^htʃa:n] ‘заднее копыто’, *кӯмӣк̄а̄н* [qum^hi:k^ha:n] ‘букашка, насекомое’. В характеризуемом говоре увулярные аллофоны /k/ в абсолютном конце слова не отмечены.

3.3.4. Свободное варьирование аллофонов /k/

В речи селемджинских эвенков было зарегистрировано явление свободного варьирования аллофонов /k/ на материале изолированных слов. Методика их записи была следующей. Дикторов просили произнести каждое слово трижды. При анализе экспериментального материала было отмечено, что каждую группу реализованного три раза слова дикторы произносили с определённой интонацией. Первая реализация слова произносилась с интонацией повышения, вторая – ровным тоном, третья – с падающей завершающей интонацией. Другими словами, трехкратное произнесение каждого слова характеризовалось интонационным контуром «утвердительно-предложения». При этом, были зарегистрированы случаи произнесения в одной и той же позиции в речи одного и того же диктора трёх разных аллофонов фонемы /k/: заднеязычного смычного придыхательного [k^h], фрикативного [x] и увулярного [q] (напр., в повторениях слова *калан* ‘котёл’ и др.), которые были результатом модификаций /k/ по способу образования и активному органу. Подобные примеры свободного варьирования не относятся к явлениям ассимиляции согласных, поскольку в них нет комбинаторного влияния, ни контактного, ни дистантного.

4. Фонетические соответствия /k/ другим согласным

При анализе вариативности увулярных смычных аллофонов фонемы /k/ нами уже было рассмотрено фонетическое соответствие фонем /k/~h/ на материале токминского говора эвенкийского языка, которое Г. М. Василевич называет архаичным, имеющим важное значение для истории развития эвенкийского языка.

Кроме того, в подкаменно-тунгусских и илимпийском говорах, в ряде слов встречаются соответствия /k/~tʃ/, /k/~t/, например, [kunmi:~tʃunmi:] *чунмӣ* ‘шишка’, [ki:mka~tʃi:mka] *чимк̄а̄* ‘основная жердь юрты’, [ul'ok:i:rən~ul'otʃ:i:rən] *ул̄э̄к̄к̄ир̄эн* ‘обманул’, [turkantʃa~turtʃantʃa] *Турчанча* (мужское имя), [kukti~tukti] *тукты-ми* ‘подниматься (по наклону)’, [kuktiβun~tuktiβun] *туктывун* ‘лестница’, [kok'ira~kot'ira] *кокира-мӣ* ‘пересохнуть (о коже для выделки)’, [m'iktʃa:n~m'ittʃa:n] *митч̄а̄н* ‘кабарга, дикий олень’ [Василевич, 1948, с. 115].

В непском, токминском говорах было зафиксировано соответствие /k/ и глухого щелевого аллофона губно-губного /β/ – [ф], например, [tiksa~tifsa] *тыкса* ‘берестяная крышка для чума’, [su:ks'il:a~su:fs'il:a] *суксилла* ‘лыжа’, [tu:ksa~tu:fsa] *тукса-мӣ* ‘бежать’, [эмэксэ~эмэфэ] *эмэксэ* ‘придя’ [Василевич, 1948, с. 141 ; Мыреева, 2004, с. 632].

В илимпийском диалекте отмечено интересное соответствие начального /k/ нулю звука в словах, в которых опускается начальный /k/, напри-

мер, [kokoβu:n~okoβu:n] *соковӯн*, *сокōвун* ‘ковш’, [kokor~okor] *сокор-мӣ* ‘потерять’, [kukʃa] *сукча-мӣ* ‘сломать, разрушить’ [Василевич, 1948, с. 161 ; Мыреева, 2004, с. 512, 521].

5. Перестановка (метатеза) согласного /к/

Необходимо отметить факт перестановки заднеязычного конечного /к/ основы слова в сочетании с губно-губным /р/ (ассимилированным [β]) аффиксом винительного падежа *-на*, возвратно-притяжательным аффиксом *-ни* либо конечного /к/ в падежном аффиксе *-дук* и *-н* возвратно-притяжательных аффиксов. Например, *бакадяккан* (из *бакадякпан*) ‘место его находки’, *дебдепкэтин* (из *дебдепкэтин*) ‘место их еды’, *лāңилдуккӣ* (из *лāңилдукпӣ*) ‘из своей ловушки’, *дялдуккӣ* (из *дялдукпӣ*) ‘от своих товарищей’, *орордукпар* (из *орордукпар*) ‘от своих оленей’ [Константинова, 1960, с. 26]. В селемджинском говоре эвенкийского языка данное правило не всегда соблюдается. Сосуществуют варианты *бакадяккан* и *бакадявун* ‘место находки’, *соксодуккӣ* и *соксодук* ‘место их еды’, *орордуккӣ* и *орордук* ‘от своих оленей’, *септуккӣ* ‘из своего кармана’, *дялдуккӣ* ‘от своих товарищей’. Важно подчеркнуть, что носители селемджинского говора эвенкийского языка знают о перестановке данных согласных, отмечают эту перестановку в речи носителей соседствующих говоров эвенкийского языка, но настаивают на своём варианте, как свойственном их родной речи.

6. Заключение

Таким образом, в селемджинском говоре эвенкийского языка при помощи объективных методов анализа зарегистрирована широкая вариативность заднеязычного смычного /к/. К его частотным аллофонам можно отнести придыхательные, спонантизированные, увулярные, палатализованные и имплозивные. Аффрикации эвенкийский /к/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда. Зафиксированная широкая вариативность /к/ коррелирует с гармонией гласных, а также зависит от фразовой позиции (начало, середина, конец высказывания), от позиции в слове. Причиной выявленных многочисленных модификаций эвенкийского /к/ является, во-первых, общая ненапряженность эвенкийской артикуляции, которая приводит к произношению щелевых аллофонов /к/ на месте смычных, благо фонологическая система эвенкийского языка этому не препятствует. Во-вторых, факты сосуществования смычных и щелевых аллофонов в качестве свободных вариантов /к/, реализуемых в одних и тех же позициях, говорят о переходных процессах, происходящих в современном эвенкийском языке.

Исследование вариативности и вариантности звукового строя эвенкийского языка далеко от своего завершения. В период, когда носители малочисленного этноса начинают в качестве общения использовать язык своих многочисленных соседей, а свой родной использовать от случая к случаю, все элементы уровней исчезающего из общения языка подвергаются «проверке на прочность», что подтверждается результатами исследо-

ваний на материале других языков (см. напр., [Kobayashi, 2015]). В ходе дальнейшего изучения звуковой вариативности и вариантности в эвенкийском языке предстоит ответить на вопрос, какие признаки обеспечивают устойчивость языка в процессе его забывания, а какие элементы языковой системы будут «разрушаться» прежде всего.

Список литературы

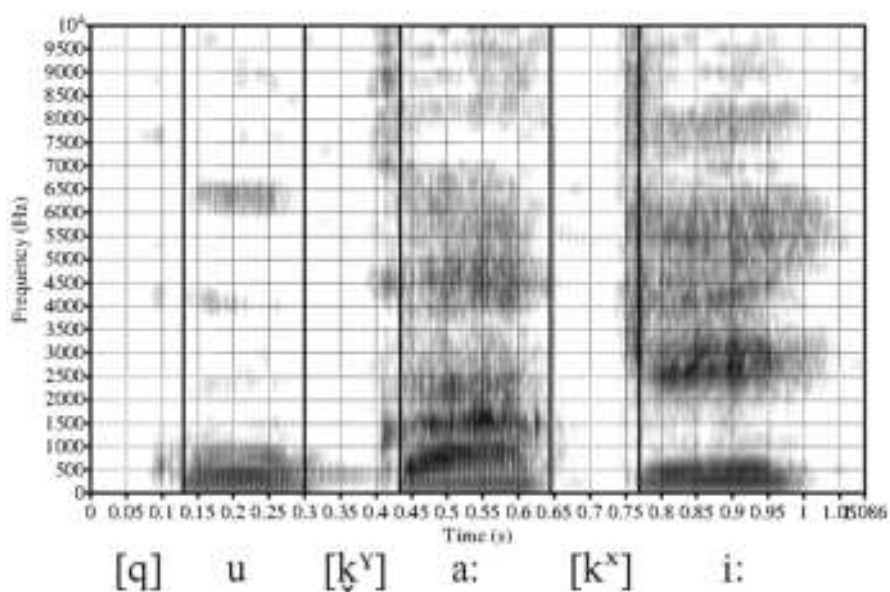
1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск : Наука, 1988. – 142 с.
2. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. – 168 с.
3. Бурыкин, А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенкийского языка) [Текст] / А. А. Бурыкин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.
4. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л., 1948. – 353 с.
5. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : ГИИНС, 1958. – 803 с.
6. Горцевская, В. А. Характеристика говора баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Попе [Текст] / В. А. Горцевская. – М. – Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
7. Дьячковский, Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм [Текст] / Н. Д. Дьячковский. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1977. – 256 с.
8. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л., Наука, 1964. – 274 с.
9. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1960. – Вып. 40. – № 237. – С. 132–169.
10. Морозова, О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке [Текст] / О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 74–85.
11. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лүчады түрэрүк [Текст] / А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 46 с.
12. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Л. А. Афанасьева. Ч. 1. – Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2013. – 463 с.
13. Фоноархив лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского гос. ун-та. Благовещенск. 2016.
14. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
15. Шарина, С. И. Состав согласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1. – Ч. 1. – С. 204–206.
16. Широбокова, Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма [Текст] / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Наука, 2001. – 151 с.

17. Ястремский, С. В. Грамматика якутского языка [Текст] / С. В. Ястремский. – М. : Учпедгиз, 1938. – 228 с.
18. Kim, J. A Grammar of Ewen [Text] / J. Kim. – Seoul, Korea: Seoul National University Press, 2011.
19. Kobayashi, Y. Changes in spoken Mongolian in Inner Mongolia Caused by Language Contact with Chinese [Text] / Y. Kobayashi // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2015. – Т. XI. – Ч. 3. Исследования по монгольским языкам. – С. 233–240.
20. Morozova, O. N. Acoustic and perceptual features of Selemdzha Evenki consonants [Text] / O. N. Morozova // Proc. of the 11th Seoul Inter. Altaistic Conference «Synchronic and diachronic studies on Altaic languages». The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU, Korea, 2013. P. 233–247.

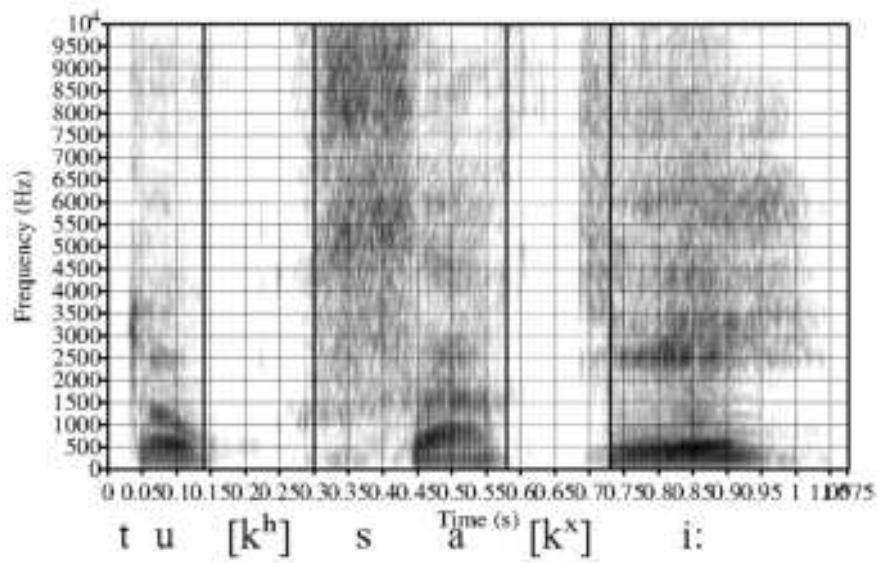
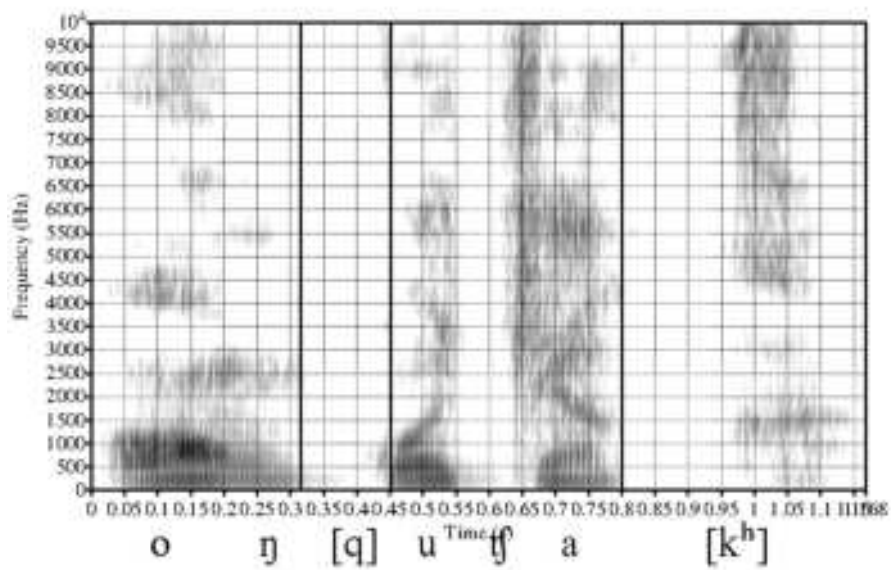
References

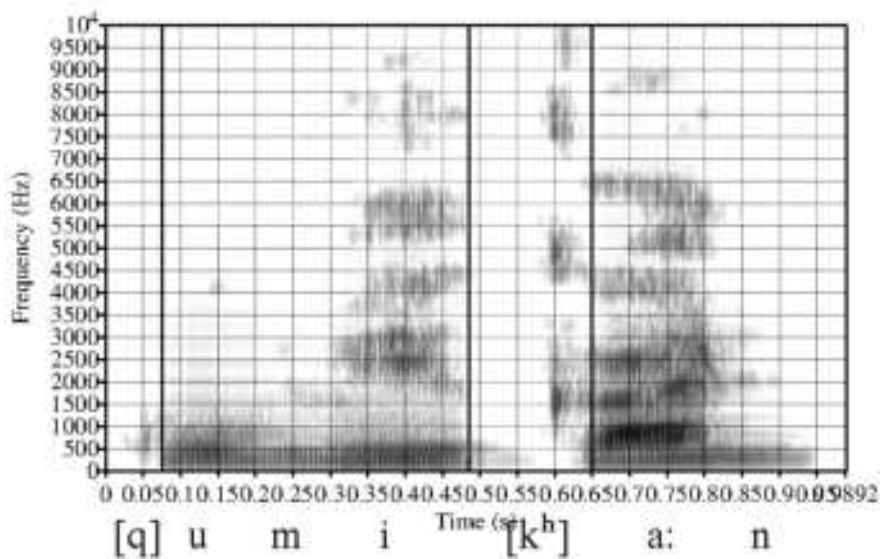
1. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language]. Novosibirsk.
2. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
3. Burykin, A. A. (2004). *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoy forme (na materiale evenkiyskogo yazyka)* [A minority language in its written form (Based on Evenki)]. St. Petersburg : Asian-Studies-in-Petersburg Press.
4. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Outlines of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
5. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow.
6. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govora barguzinskih evenkov. Po materialam N. N. Pope* [Features of Barguzin Evenks accent]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
7. D'yachkovskiy, N. D. (1977). *Zvukovoy stroy yakutskogo yazyka. Ch. II. Konsonantizm* [The Yakut sound system. Chapter II. Consonants]. Yakutsk Press.
8. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. – Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
9. Matushevich, M. I. (1960). *Ocherk sistemy fonem erbogochenskogo govora evenkiyskogo yazyka na osnove eksperimental'nykh dannykh* [The outline of Erbogochen accent of the Evenki language phonological system]. *Uchenye zapiski LGU. Ser. filol. Nauk* [Scientific papers of Leningrad State University. Series Philological Sciences], 40 (237), 132–169.
10. Morozova, O. N. (2015). Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredne-yazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (1), 74–85.
11. Myreeva, A. N. (2004). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.

12. Boldyrev, B. V., Bykova, G. V., Varlamova, G. I., Afanas'eva, L. A. (2013). *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti* [Dictionary of Selemdzha Accent of Amur Region Evenks]. Part 1. Blagoveshchensk.
13. The phonetic archive of the laboratory of phonetic experimental research of the Amur State University. 2016.
14. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
15. Sharina, S. I. (2015). Sostav soglasnykh fonem verkhnekolymskogo govora evenskogo yazyka [Consonant inventory of the Upper-Kolyma accent of the Evenki language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1 (1), 204–206.
16. Shirobokova, N. N. (2001). *Istoricheskoe razvitie yakutskogo konsonantizma* [Historical development of the Yakut consonant system]. Novosibirsk: Nauka Press.
17. Yastremskiy, S. V. (1938). *Grammatika yakutskogo yazyka* [Yakut Grammar]. Moscow: Uchpedgiz Press.
18. Kim, J. (2011). *A Grammar of Ewen*. Seoul, Korea: Seoul National University Press.
19. Kobayashi, Y. (2015). Changes in spoken Mongolian in Inner Mongolia Caused by Language Contact with Chinese. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Mongolian Studies*, 11 (3), 233–240.
20. Morozova, O. N. (2013). Acoustic and perceptual features of Selemdzha Evenki consonants. *Proc. of the 11th Seoul Inter. Altaistic Conference «Synchronic and diachronic studies on Altaic languages»* (pp. 233–247). The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU, Korea.

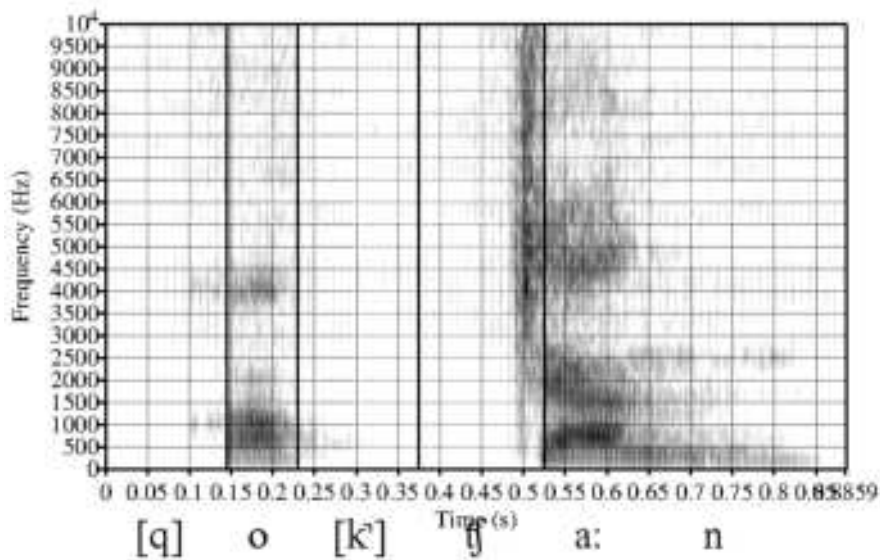

Р и с у н о к 1. Реализация слова *кук̄к̄и* ‘кукша’

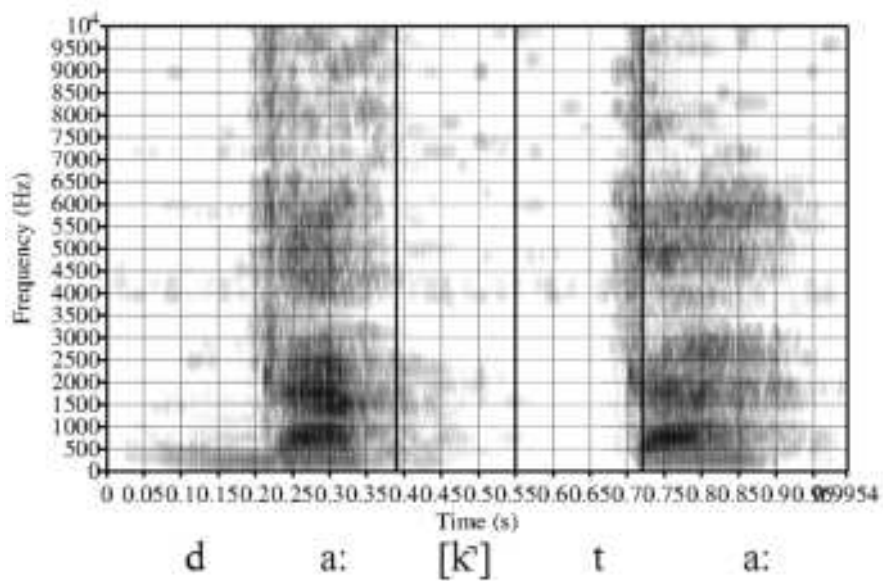
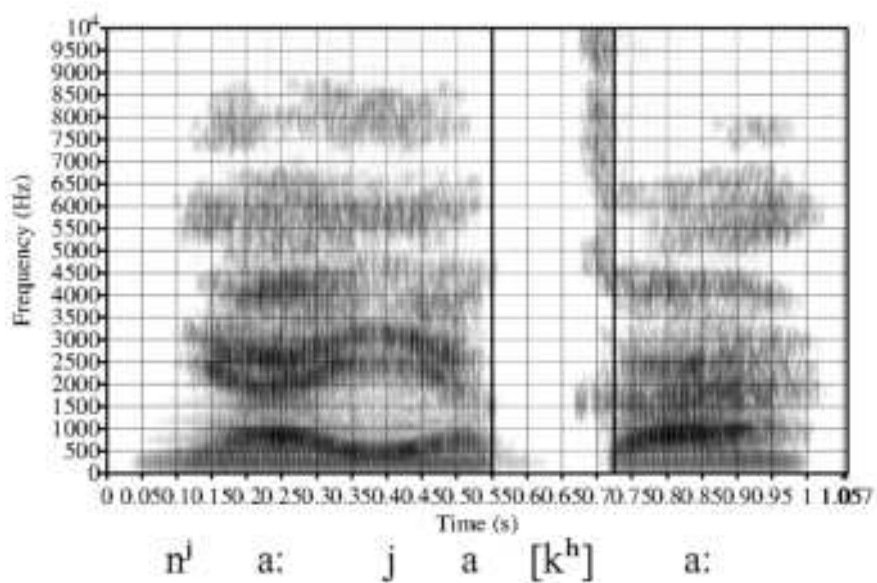
Р и с у н о к 2. Реализация слова *туксакй* ‘заяц’Р и с у н о к 3. Реализация слова *оңкучак* ‘яма, впадина’

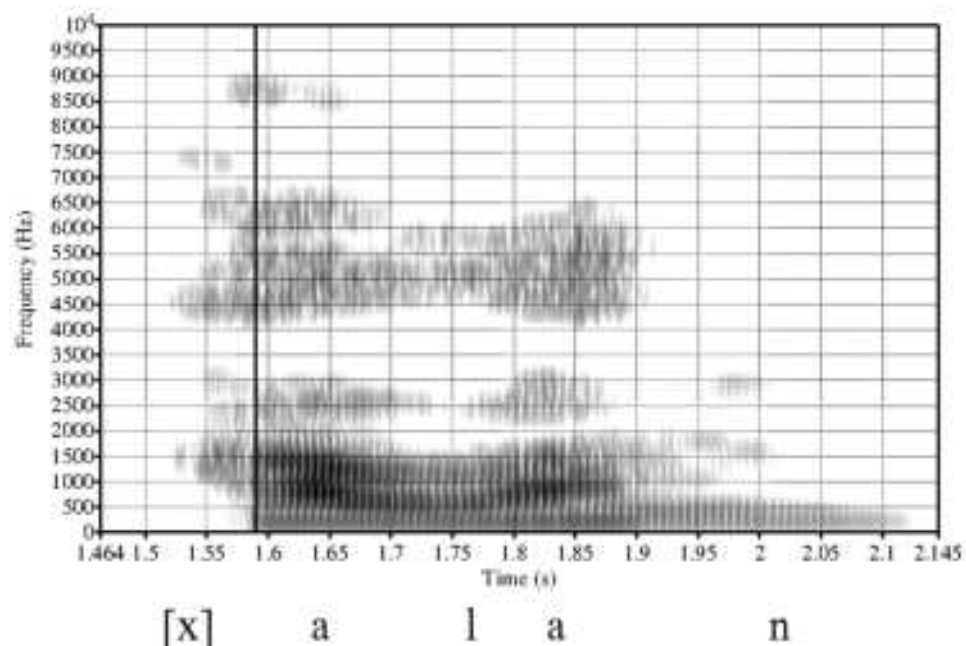

Р и с у н о к 4. Реализация слова *кумикāн* ‘маленькое насекомое, букашка’

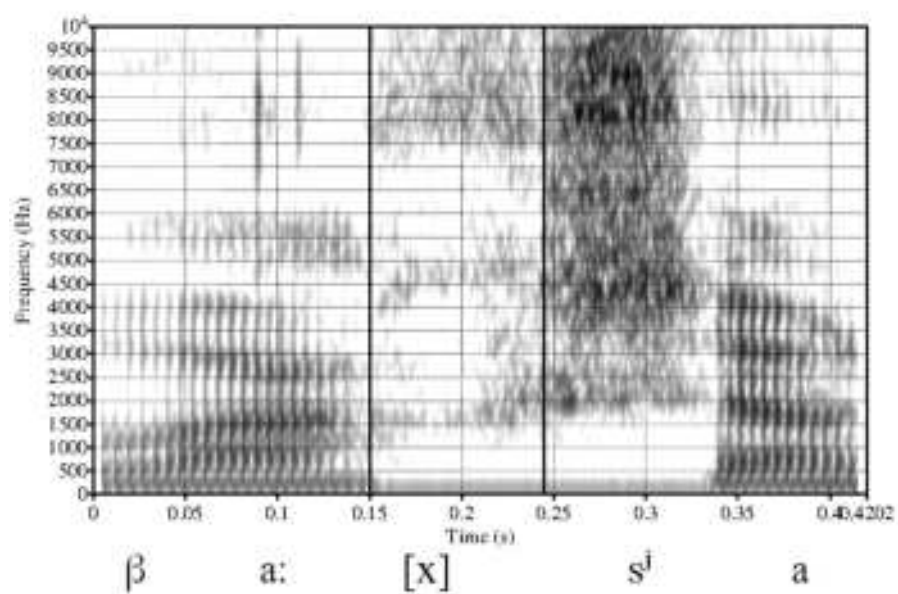

Р и с у н о к 5. Реализация слова *кōкчāн* ‘малое заднее копытце’

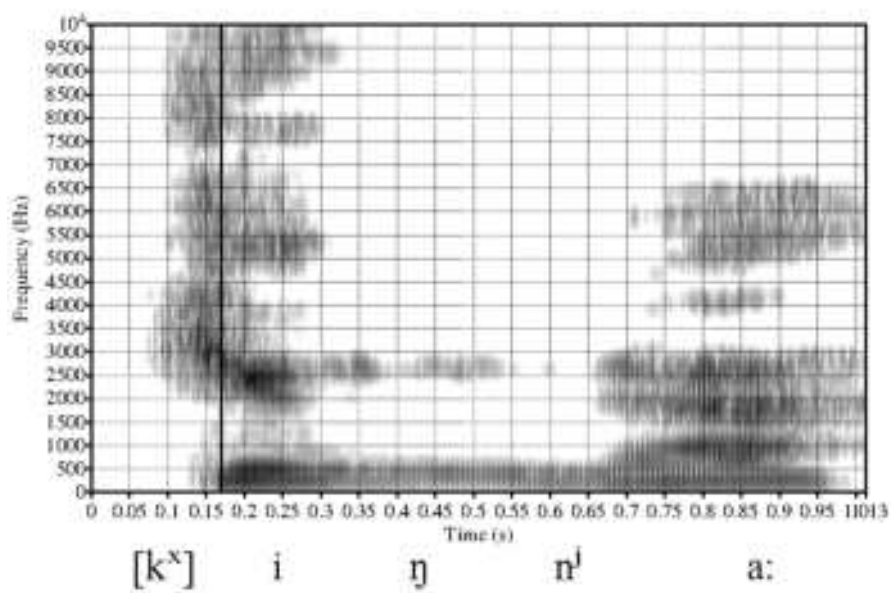
Р и с у н о к 6. Реализация слова *д̄актэ* ‘клещ’Р и с у н о к 7. Реализация слова *н̄э́йкэ* ‘маленькая вошь’

Р и с у н о к 8. Реализация слова *котёл* ‘котёл’

Р и с у н о к 9. Реализация слова *вѣкся* ‘добыв’

Р и с у н о к 10. Реализация слова *киңнэ* 'лыжа'